

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-3-48-68

УДК 02(091)

ПРОФЕССОРА-БИОЛОГИ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОХРАНИВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ИХ ЛЕКЦИЙ

Жарова Е.Ю.

Цель. Целью статьи является систематизация полученных данных о сохранившихся экземплярах профессорских лекций в архивах и библиотеках.

Метод и методология. Основные методы, примененные при написании статьи, – это методы объективности, источниковедческого анализа и сравнительный.

Результаты. Профессорская лекция как отражение научного потенциала профессора должна рассматриваться не только сама по себе, но и в контексте сохранившихся мемуарных упоминаний о том, какое воздействие профессор, ее прочитавший, имел на аудиторию. Сохранившиеся экземпляры лекций отечественных дореволюционных профессоров-биологов не являются многочисленными. Особенно это касается первой половины XIX в., когда в университетах было много иностранных профессоров, лекции которых в связи с недостаточным знанием иностранных языков студентами были трудными для восприятия. Среди известных нам сохранившихся лекций этого периода доступны только лекции русскоязычных профессоров. Большинство сохранившихся лекций профессоров-биологов относятся именно ко второй половине XIX в., когда во многих университетах работали довольно крупные ученые того времени. Тем не менее, несмотря на охват, подавляющее большинство известных нам сохранившихся лекций – это лекции профессоров Московского университета.

Выводы. Полученные результаты говорят о труднодоступности сохранившихся экземпляров лекций, а также об отсутствии

системного подхода к их сохранению. Обязательность передачи архивов известных ученых в архив Академии наук привело к тому, что именно в этом архиве сосредоточено наибольшее количество известных экземпляров лекций.

***Ключевые слова:** история биологии; университеты; профессора; естественные отделения; лекции.*

PROFESSORS OF LIFE SCIENCE OF THE UNIVERSITIES OF RUSSIAN EMPIRE AND EXTANT COPIES OF THEIR LECTURES

Zharova E.Iu.

***Purpose.** The purpose of this article is systematizing the information about extant copies of professorial lectures in the archives and the libraries.*

***Methodology.** The main methods are the methods of objectivity, source analysis and the comparative method.*

***Results.** A lecture as a reflection of the professor's scientific potential should be considered not only on its own but also in the context of the memories about those professors who was the author of the lectures. The extant copies of the lectures of professors are not numerous. Especially it was problematic to keep them in the first half of the 19th century when universities had many foreign professors whose lectures were difficult to understand due to insufficient knowledge of foreign languages by students. Among the known lectures of this period, there are only lectures of Russian-speaking professors. Most of the extant lectures of the professors of life science are from the second half of the 19th century when many famous scientists worked at universities. Nevertheless, the overwhelming majority of the known lectures are lectures of the professors of Moscow University.*

***Conclusions.** It's quite hard to discover the place of conservation of the lectures. Also, the lack of a systematic approach to their preservation must be admitted. The obligation to transfer the papers of famous scientists to the archive of the Academy of Sciences had led to the fact*

that nowadays this archive has got the largest number of known copies of lectures.

Keywords: *the history of life science; Universities; professors; natural science department; lectures.*

Введение

На протяжении нескольких десятилетий профессорская лекция служила единственной формой передачи знаний от профессора к студенту, что было связано как с отсутствием специальных учебных руководств, так и затрудненностью получения знаний студентами из иностранной литературы. Более того, именно профессорская лекция является объективным источником, благодаря которому появляется возможность оценить как уровень преподавания, так и уровень научной подготовки того или иного профессора. Особое значение лекция приобретает в том случае, если профессор по той или иной причине не занимался публикацией научных трудов, но высказывал свое мнение в аудитории. В этом случае сохранившиеся экземпляры профессорских лекций являются единственным источником, способным дать представление о научном мировоззрении отдельных профессоров. Современные исследователи уделяют больше внимания массово сохранившимся литографированным экземплярам профессорских лекций [10; 12; 13], однако литография – это инструмент второй половины XIX в. Кроме того, не все профессора разрешали литографировать свои лекции, поэтому обзор сохранившихся рукописных лекций может дополнить уже имеющиеся сведения о литографированных экземплярах.

Материалы и методы

Основными материалами, использованными для написания статьи, являются архивные источники. Так как проведенный анализ базируется на выявлении сохранившихся в архивохранилищах, а также отделах рукописей крупнейших научных библиотек, экземпляров лекций профессоров естественных отделений университетов Российской империи.

В качестве методов необходимо указать в первую очередь принцип объективности, который позволил избежать пристрастной оценки суждений. Важную роль в исследовании сыграли методы источниковедческого анализа и сравнительный метод. Метод источниковедческого анализа позволил установить потенциал сохранившихся исторических источников. Сравнительный метод позволил выявить особенности сохранившихся экземпляров профессорских лекций.

Результаты и обсуждение

Единственным местом, где сходились «жители» университетского пространства – профессора и студенты, где происходил обмен знаний и передача опыта от одного поколения к другому, была университетская аудитория. А способ передачи этого знания – профессорская лекция. Длительное время лекция была единственной формой передачи знаний в университетах, так как другие формы взаимодействия – семинары, практические занятия просто отсутствовали. Известны воспоминания знаменитого питомца Московского университета И.М. Сеченова, который сокрушался по поводу отсутствия практических занятий по предметам естественнонаучного цикла у студентов-медиков [31, с. 424]. И это было в 1850-е гг., когда в Германии опыты на лягушках были привычным делом для любого студента, изучающего физиологию. Именно по причине отсутствия каких бы то ни было иных способов массовой передачи информации от профессора к студентам, кроме лекции, посещение этих лекций было единственным способом приобщиться к науке, храмом которой воспринимался университет.

Кроме передачи знаний как таковых, лекция служила той особенной формой общения профессора со студентами, когда он мог показать себя и показывал, как ученый в своей области науки и как педагог. Не случайно студенческие воспоминания очень красочно описывают лекции любимых и нелюбимых профессоров, особенно много таких описаний в воспоминаниях второй половины XIX века, когда в университетах на всех без исключения факультетах преподавала целая плеяда выдающихся ученых.

Для первой половины XIX века, особенно для первой трети, не характерно обилие восторженных характеристик профессорских лекций по той простой причине, что профессора в основном были иностранцами, плохо или вообще не говорившими по-русски, в связи с этим очарование профессорской лекции для студента, не всегда понимавшего, что говорит профессор, несколько меркло. Очень метко это подметил П.Н. Милюков, писавший в «Очерках по истории русской культуры»: «...профессору приходилось диктовать латинский текст лекции, затем объяснять его по-немецки той части аудитории, которая не училась французскому, и по-французски другой части аудитории, которая не училась немецкому: и при всем том содержание лекций должно было оставаться для слушателей в тумане» [15, с. 312].

Как подчеркивают авторы коллективной монографии «Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века», такую картину можно было наблюдать не только применительно к началу XIX в. [32, с. 539]. В книге приводится такой пример: в 1834 г. лишь шесть студентов Казанского университета оказались в состоянии понимать лекции, читанные на французском языке профессором политической экономии и дипломатики Г. Винтером. Очень часто профессора жаловались на незнание студентами латыни. Даже в 1850-е гг. И.М. Сеченов признавался, что не знал латынь в той мере, чтобы слушать на ней лекции, поэтому ему пришлось заниматься дополнительно [17, с. 285].

Можно предположить, что это обстоятельство явилось одной из причин отсутствия рукописных лекций профессоров этого времени в архивных собраниях. Еще одной причиной, возможно, было то, что первые профессора были иностранцами, их собрания могли уехать из России вместе с ними, когда профессора покидали страну, а даже если они оставались, то в связи то ли с неким предубеждением, то ли с чужеродностью, их коллекции ждала печальная участь, как, например, это произошло с богатейшим собранием известного казанского профессора Карла Фукса, отдавшего России 40 лет своей жизни и умершего в Казани в 1846 г. Это был ученый с широкими

интересами, один из характерных представителей ученых эпохи Просвещения, натуралист, врач, этнограф, нумизмат, историк.

Вероятно самыми ранними среди сохранившихся учебных курсов русских профессоров-естественников являются рукописи из фонда М.А. Максимовича (ф. XXXII), хранящиеся в настоящее время в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Конечно, немаловажную роль в сохранении материалов М.А. Максимовича сыграло то обстоятельство, что он был первым ректором Киевского университета св. Владимира. И хотя в Киеве он уже не занимался естественной историей в целом и ботаникой в частности (то, чем он занимался в Москве), его многочисленные записи по естествознанию (по методологии и истории ботаники, зоологические записки, записки по систематике растений), в том числе лекции учеников 8 класса (1831–1832 гг.) по естественной истории, лекции по физиологии растений (1820–1830 гг.) сохранились. М.А. Максимович (1804–1873) окончил физико-математический факультет Московского университета в 1823 г., работал там же адъюнктом, затем профессором ботаники, защитил магистерскую диссертацию и получил степень магистра физико-математических наук.

Безусловной заслугой М.А. Максимовича является создание учебной литературы на русском языке по ботанике и зоологии. Несколько актуально было создание подобных учебных руководств, можно судить по записке одного из профессоров Московского университета Юлия Ульрихса, который в 1832 г. писал: «Важное неудобство относительно читаемых лекций я нахожу в давно ощущаемом недостатке учебных книг (компендия). Высшее начальство, дабы пособить сему недостатку, потребовало конспекты преподаваемых лекций, и удостоенные одобрением конспекты донныне употребляются вместо компендий. Польза конспектов, по моему мнению, довольно ограничена: учащиеся могут пользоваться ими для удобнейшего обозрения систем преподаваемых им наук и для приготовления себя к предстоящим лекциям при помощи необходимых к тому других пособий. Но как конспекты содержат в себе только

исчисление предметов, объяснение которых составляет содержание лекций, то они не могут служить надлежащим руководством, в каком имеют нужду учащиеся» [22, л. 8]. Кстати сказать, традиции переписывать от руки учебные пособия сохранялась до середины XIX века (например, в ОПИ ГИМ в ф. 221 хранится учебное пособие по зоологии, переписанное от руки, датированное серединой XIX в. [20], в том же фонде есть литографированное пособие по зоологии, практически совпадающее с таковым (но рукописным) из научной библиотеки МГУ, однако экземпляр НБ МГУ является более ранним), пока в университетах не получила широкого распространения литография.

Впрочем, студенты 1830-х годов, не заставшие литографированных лекций, довольно скептически относились к этому явлению: «О литографированных лекциях и помину не было. Это – новейшее баловство, которое, конечно, имеет свою хорошую сторону в том, что сберегает много времени, избавляя слушателей от скучного труда переписывать, хотя... переписка эта служила в то же время и повторением лекций» [16, с. 82]. Как происходило это переписывание можно понять, обратившись к воспоминаниям. Так, студент Казанского университета в 1830-е гг. Н.И. Мамаев писал: «Очень немногие профессора преподавали по печатным руководствам; более – или давали записки своих лекций, которые мы списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говорили». В последнем случае мы записывали со слов, потом – каждый из нас по заведенной очереди, отбирал от других записанные таким образом лекции, из всего составлял одну общую и носил профессору для просмотра. По получении от профессора составленной нами лекции в исправленном виде мы списывали ее в тетрадки и ими уже руководствовались» [14, с. 45].

Профессором-биологом Московского университета, чье сохранившееся научное и учебное наследие сопоставимо с наследием Максимовича, является Карл Францевич Рулье (1814–1858), служивший в Московском университете 20 лет. Воспоминания студентов рисуют его как одного из популярнейших профессоров

1840–1850-х гг. В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета в настоящее время хранятся литографированные лекции, прочитанные им в 1850 г. на втором сводном курсе студентов математического и естественного отделений [28]. Там же находится написанный от руки самим Рулье и его учениками (по очереди, с указанием фамилий) его труд по зоологии – Зообиология [27], который до настоящего времени остается неопубликованным. Его лекции по зооанатомии и зоофизиологии в виде машинописной копии сохранились в фонде Н.М. Кулагина (1860-1940), профессора Московского университета, Московского сельскохозяйственного института, члена-корреспондента Академии наук, который находится в Московском отделении архива РАН – самом крупном архивохранилище, где в настоящее время можно ознакомиться с лекциями профессоров-биологов российских императорских университетов.

Итак, что касается первой половины XIX века, то сохранность лекций заставляет сожалеть о том, что в то время в России не существовало традиции сохранения профессорских и студенческих архивов. Конечно, это связано еще и с тем, что первые студенты физико-математических факультетов даже если и оставались в университетах в качестве профессоров (а это были единичные случаи), то не являлись учеными очень высокого уровня, поэтому их архивы уходили в небытие вместе с самими профессорами, хотя, конечно, память сохранила их имена и детали биографии для будущих поколений.

Настоящей находкой для профессорской лекции, точнее для сохранения профессорской лекции первоначально с целью копирования, явилось искусство литографии. Первая литографическая мастерская в России была открыта в Санкт-Петербурге еще в 1816 г., однако «приход» литографии в университеты уже не в качестве искусства, а в качестве вспомоществования студентам в учебе, относится к середине XIX века. По сведениям А.В. Зайцевой одно из самых ранних изданий литографированного курса профессорских лекций датировано 1845 г. Это был курс лекций по праву П.Д. Калмыкова, профессора Санкт-Петербургского университета [11, с. 89].

Как уже было сказано выше, литографированные лекции профессора Рулье из отдела рукописей и редких книг НБ МГУ датированы 1850 годом.

Здесь следует отметить, что расцвет литографии во второй половине XIX века, как единственно возможного источника копирования профессорских лекций спас эти лекции от забвения. Даже несмотря на запрет, последовавший в 1869 году, студенты продолжали литографировать лекции. Очень многие профессора относились к литографии отрицательно, запрещали литографировать свои лекции, однако студенческая хитрость находила обходные пути, так как зачастую литографированные лекции были единственным источником знаний, в университетах все так же не хватало пособий. И.Я. Акинфеев, учившийся в 1875–1881 гг. в Новороссийском университете, писал: «Позже, в конце восьмидесятых и в девяностых годах, появились более или менее удовлетворительные учебники и разного рода руководства и пособия. Но до того времени естествознание, потрясенное с шестидесятых годов в своих основах и методах гением Дарвина, Уэллеса, Лайеля и др., не только у нас в России, но и за границей являлось исключительно достоянием профессорской коллегии. Студенту учиться было не по чему, почитать о том, что говорит профессор на лекции, негде. Оставалось только исправно посещать лекции» [19, с. 153]. Однако хорошо известно, что не все студенты отличались прилежностью, поэтому литографирование лекций в университетах было поставлено на широкую ногу. В настоящее время крупнейшими собраниями литографированных лекций профессоров обладают Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, а также библиотеки старейших университетов России.

Очень часто студенты литографировали профессорские лекции без ведома профессора, поэтому такие лекции могли содержать ошибки. Иногда профессора сами правили студенческие конспекты, чтобы этих ошибок не было. Были случаи, когда профессора являлись издателями своих лекций. Особенно ценными эти лекции

представляются сейчас, так как зачастую они являются единственным своего рода обобщающим трудом профессора, который не всегда имел цель публиковать таковой. Например, А.Н. Северцов (1866–1936), студент, затем профессор Московского университета вспоминал, что профессор зоологии С.А. Усов (1827–1886), «человек от природы очень талантливый, принадлежал к поколению (может быть это характерно только для Москвы той эпохи), представители которого как бы пренебрегли писанием и печатанием (может, это происходило от некоторой лени и нелюбви к черной работе писания, обработке написанного и т.д.) и результаты своей умственной работы любили излагать устно и на этом успокаивались. Поэтому написанное С.А. Усовым (а отмечу, что некоторые его работы, напр. Таксономические единицы и группы не утратили своего значения теперь, к сожалению, эта книга недостаточно известна молодым русским зоологам) не представляет и малой доли того, что им сделано в науке (в частности в зоологии) и что им передано в разговоре ученикам» [8, л. 45].

А.Н. Северцов называл курс зоологии С.А. Усова мастерски составленным, хорошо продуманным и оригинальным, сожалея о том, что профессор не написал и не издал его [8, л. 47 об.]. Нет сведений и о наличии изданного литографированного курса лекций С.А. Усова, однако нам встретились два сохранившихся рукописных экземпляра его лекций. Первый, прочитанный в 1879–1880 гг., хранится в фонде А.П. Богданова в архиве РАН [4]. Этот курс действительно выгодно отличается от тех, что читали раньше (например, в сравнении с лекциями К.Ф. Кесслера, хранящимися в том же фонде). Несмотря на то, что лекции читались по предмету зоологии позвоночных, профессор много внимания уделял эмбриологии, новейшим палеонтологическим данным, излагал даже систематику, довольно сухую науку, с точки зрения теории эволюции, действительно применяя совершенно непривычный подход к изложению. Второй экземпляр – это лекции Усова из фонда зоолога В.А. Вагнера [26] (Отдел рукописей РНБ), этого же периода времени (Вагнер окончил физико-математический факультет Московского университета

в 1882 г.). Кстати сказать, практически все экземпляры рукописных и литографированных лекций содержат прекрасные рисунки, особенно замечательно выполнены они В.А. Вагнером, в фонде которого сохранились также лекции А.П. Богданова по зоологии беспозвоночных.

Что касается Анатолия Петровича Богданова (1834–1896) – легендарного профессора зоологии Московского университета, основоположника антропологии в России, создателя Общества любителей естествознания, список заслуг которого занял бы несколько страниц, то лекции его не были столь привлекательными для студентов. Тот же А.Н. Северцов вспоминал, что «курсы А.П. Богданова были скучноваты, страдали может быть недостатком общей идеи, но в фактическом отношении они давали много» [8, л. 47 об.]. Приведем еще несколько характеристик его лекций.

П.П. Ефимов (1895–1900): «Лекции А. Богданова были бесцветны, крайне расплывчаты, но слушать его было интересно. Дома иногда хотелось подумать об его лекциях (а также и Зоографа), но при всем напряжении памяти не удавалось ничего вспомнить, приходили в голову отдельные словечки, вроде «вот извольте ли видеть», «не ешьте вы этих сосисок», да пухлая фигура профессора, длинная полка, стол, уставленный спиртовыми препаратами, спиртовой аромат старого зоологического кабинета, тесноту, скрипучие стулья, мрак, скудное электричество среди бела дня и педеля, всегда торчащего в вестибюле “Зоологии”» [29, с. 83–83].

И. Алексинский (1889–1891): «В своих занятиях со студентами он отличался большой педантичностью. Лекции его, начинавшиеся всегда точно в установленное время, были строго академичны. Никогда не позволял он себе какого-либо отступления от предмета лекции, каких-либо ораторских приемов, чтобы оживить внимание слушателей. Содержательность лекции и ясность изложения обеспечивали это внимание» [18, с. 356].

Д.Н. Прянишников (1883–1887): «А.П. Богданов отличался тем, что начинал лекции для первого курса прямо со специальных отделов, например с очень подробного изложения главы о червях, счи-

тая, что знакомство с фактическим материалом должно лежать в основе. Для меня, перешедшего с математического факультета, этот «ушат червей» после аналитической геометрии и дифференциального исчисления был большим контрастом» [30, с. 81].

Сопоставляя эти характеристики, можно сделать вывод, что лекции А.П. Богданова были поставлены на очень высоком уровне, поэтому не для всех студентов могли быть интересными. Читая сами лекции, сохранившиеся за разные годы в фонде самого А.П. Богданова в архиве РАН [2], приходишь к выводу, что в сравнении с лекциями Усова или Мензбира они действительно более сухи и академичные, но в то же время очень насыщены фактическим материалом. Вообще, фонд А.П. Богданова содержит не только лекции самого фондообразователя и С.А. Усова, но и лекции по зоологии петербургского (ранее – киевского) профессора К.Ф. Кесслера [3], по гистологии А.Н. Бабухина [1] и по анатомии растений К.А. Тимирязева [5], записанные Е.А. Богдановым в начале 1890-х гг.

Последние два профессора были популярными профессорами Московского университета, лекции которых привлекали студентов. И. Алексенский так описывал Бабухина и его лекции: «Это был несомненно человек, высокоодаренный способностью научного исследования и философского мышления, с большим ораторским талантом, но одержимый каким-то недугом. Неизвестно, что было преобладающим в его болезни – физическое ли страдание или резкая душевная неуравновешенность, но, очевидно, было и то и другое.

В описываемой мною период он жил как бы отшельником в своей квартире в здании университета. Получалось впечатление, что он выходил из своего помещения только для чтения лекций и занятий в лаборатории, но и это случалось нечасто. Бывало, что он неделями не покидал дивана в своем кабинете, предоставляя своим помощникам по кафедре ведение занятий со студентами.

Зато когда появлялась в аудитории его изможденная фигура в старом и сером халате с черной шапочкой на голове и когда к нам обращалось его сухое, землистого цвета лицо со взором аскета-мыслителя, мы с затаенным дыханием ловили слова его лекции.

<...> Содержание этих лекций выходило всегда за пределы его курса гистологии, захватывало обширные области биологии и философии и оставляло неизгладимое впечатление силой и красотой изложения» [18, с. 357].

Действительно, как вспоминал студент С.И. Мицкевич (1888–1893), Бабухин умел оживить сухую науку гистологию [16, с. 347]. В этих лекциях будто слышится живая речь профессора, он беседует со слушателями, задает вопросы, полемизирует сам с собой: «Часто на поверхности эпителия встречаются целые слои посторонней массы, которая отделяет клетки от влияния внешней среды. Этот слой составляет точку преткновения для гистологов. Откуда же он взялся? Тут мы встречаем не клетки, а какую-то постороннюю массу; эта масса названа кутикулярным слоем. Одни говорят, что это затвердевший продукт выделения клеток, другие же, которые не хотят понять, что неорганизованные вещества могут входить в состав тела, говорят, что это не продукт выделения, а затвердевшая поверхность клеток; кто прав, строго сказать нельзя. Бабухин до последнего времени держался последнего мнения, но чем более исследуешь низших животных, то тем более причин принять 1-е» [1, л. 6].

Большое впечатление на слушателей своей глубиной и эрудированностью производили лекции Тимирязева, на которые ходили не только естественники, но и студенты других факультетов. Более того, студенты естественного факультета посещали эти лекции ради самих лекций, чтобы послушать профессора, а из-за простоты изложения информация оставалась в памяти. Осталось огромное количество печатных работ Тимирязева, публиковались его лекции из Петровской академии, а вот лекции для студентов Московского университета – это редкость. Единственный известный нам сохранившийся экземпляр, как уже говорилось выше, находится в фонде А.П. Богданова.

Еще одним выдающимся ученым-зоологом был профессор Московского университета М.А. Мензбир, который являлся прекрасным лектором, лекции которого легко запоминались и интересовали студентов. Его лекции по зоологии беспозвоночных, хранящиеся в отделе рукописей РГБ [24], выходят далеко за рамки

университетских лекций, открывая студентам не только зоологические, но и палеонтологические, экологические сведения – все лучшее им было заимствовано из методики чтения лекций его учителем А.П. Богдановым, только «приправлено» талантом красноречия. В отличие от Богданова, сохранились и литографированные лекции М.А. Мензбира.

В конце XIX – начале XX века литография постепенно уступила место печатным курсам лекций, которые издавали сами профессора. Естественно, уровень этих изданий был значительно выше уровня студенческих литографий, да и выпускались они не только известными профессорами, но и малоизвестными тогда приват-доцентами, которые впоследствии стали не только профессорами, но и академиками АН СССР. Этот период (начало XX века) характеризуется также сохранностью черновых вариантов лекций в фондах учебных, например, А.Н. Северцова [7], Б.Л. Исаченко [6], Н.К. Кольцова [6] – действительно выдающихся ученых и профессоров.

Любопытно, что по результатам этого краткого обзора профессорских лекций выявляется следующая закономерность: лекции профессоров Московского университета оказались наиболее сохранны, или, может быть, наиболее доступны, так как хранятся в тех архивохранилищах, где привыкли работать исследователи. Закономерно и то, что их невозможно найти в тех архивах, где хранятся документы, связанные с университетами – эти архивы отражают только официальное делопроизводство.

Профессорские лекции сохранились в личных фондах профессоров, в тех фондах, которые формировались гораздо позже, уже во времена СССР, поэтому все эти драгоценные тетрадки в колленкорových переплетах хранятся в отделах рукописей РГБ и РНБ, архиве РАН. Кстати, рукопись лекций М.А. Мензбира хранится в фонде Варшавского университета, который представляет собой часть большого фонда, вывезенного из Варшавы в годы Первой мировой войны. Архив вместе с университетом был отправлен в Ростов на Дону, а потом вообще передан польской стороне (ныне хранится в Варшаве), но часть документов так и осталась в фондах

Румянцевского музея. Кстати, в этом же фонде сохранились лекции профессора Варшавского университета П.И. Митрофанова по сравнительной анатомии [25], а также конспект лекций Дерптского университета (на немецком) по микроскопической анатомии [23]. Отрывки лекций по агрономии на французском языке есть в ОПИ ГИМ [21], однако выяснить, где именно читались эти лекции, не представляется возможным.

В Отделе письменных источников (ОПИ ГИМ) есть два фонда, содержащие лекции профессоров Московского университета. Первый из них, ф. 221 формировался путем пожертвований и покупки рукописей Государственным историческим музеем в начале XX века, второй фонд ф. 292 был передан из Научной библиотеки МГУ. Но оба эти фонда содержат преимущественно лекции профессоров-гуманитариев – историков и юристов. Может быть, эти лекции представлялись как более заслуживающие внимания, нежели лекции по естественным и точным наукам, которых в этих фондах очень мало. Впрочем, интерес к признанным мастерам слова понятен, все-таки имена ученых историко-филологического и юридического факультетов гремели очень широко, хотя биологи были не менее известными и выдающимися учеными, многие из которых тоже читали публичные лекции.

Рассматривая данную статью как попытку систематизации сохранившихся профессорских лекций биологов, и выяснив закономерность о высокой сохранности лекций профессоров Московского университета, следует задаться вопросом, а с чем связана эта закономерность? Действительно ли с тем, что в Москве был старейший университет с признанной научной школой, питомцы которого, даже переезжая в другие города и работая в других университетах, сохраняли эту культуру и традиции путем бережного к ним отношения? Или это просто стечение обстоятельств, связанное с тем, что в Московском университете, крупнейшем как по числу студентов, так и по числу преподавателей, именно в связи с большим числом «причастных» к университету, у профессорской лекции было больше шансов сохраниться в веках? Но почему же подобное не наблюдается в отношении столичного Петербургского университета?

Если рассматривать период начала XX века, то выявленная закономерность может быть связана с высокой академической мобильностью как студентов, так и преподавателей, переходивших из одного университета в другой, кроме того, революции, войны, эвакуации (были эвакуированы Юрьевский, Варшавский, Киевский университеты), оккупация снижали шансы на сохранность рукописей, многие из которых наверняка можно найти в зарубежных архивах из-за эмиграции бывших студентов и профессоров. Должно быть, в музеях университетов также имеются экземпляры профессорских лекций, о которых нам неизвестно. Но следует признать, что профессорские лекции в настоящее время «распылены» по различным архивохранилищам, что, безусловно, затрудняет доступ к ним. В целом же, формирование фондов, где ныне хранятся профессорские лекции, было скорее случайным, нежели закономерным, поэтому логичным представляется тот факт, что до нас дошли именно лекции известных ученых. Большую роль сыграло то, что личные архивы академиков и членов-корреспондентов АН СССР после их смерти в обязательном порядке сдавались в архив Академии наук, который обладает самым значительным числом экземпляров профессорских лекций.

Что же касается середины XIX века, то лекции многих профессоров сохранились в фондах библиотек в виде литографий, например, в фондах РНБ есть литографированные лекции И.И. Мечникова по курсу морфологии животных (1869), а вот лекций А.О. Ковалевского, насколько нам известно, не сохранилось. То же касается лекций многих других профессоров, которые публиковали специальные научные работы, но даже не задумывались о том, чтобы опубликовать свои курсы лекций. В данном случае единственной возможностью ознакомиться с лекциями, в связи с отсутствием рукописных экземпляров, которых сохранилось крайне мало, являются литографии.

Университетская память в отношении профессорских лекций оказалась избирательной. Будто специально она отбирала лекции лучших профессоров того времени, тех, к чьим лекциям студенты не могли быть равнодушными даже спустя годы после окончания университета. Мы знакомы лишь с малой долей прочитанных в уни-

верситетах лекций, но опираясь на воспоминания тех, кто слушал эти лекции, становится понятно, почему «в глазах студента-новичка всякий профессор долгое время на своих лекциях был своего рода Пифией, а в лабораториях и кабинете за опытами и исследованиями он казался жрецом, которому одному доступны тайны природы» [19, с. 153].

Заключение

Результатом проведенного исследования является перечень архивохранилищ, в которых хранятся дошедшие до нас экземпляры профессорских лекций. Это Архив РАН, ОПИ ГИМ, ОР РГБ, ОР РНБ, НБ МГУ, ИР НБУ им. В.И. Вернадского.

При этом в подавляющем большинстве это лекции профессоров Московского университета. Особенно эффективным оказался способ сохранения архивов известных ученых-академиков, благодаря которому архив РАН, вероятно, обладает самой внушительной коллекцией лекций профессоров-биологов. Однако следует отметить, что данная статья не охватывает все возможные архивохранилища, поэтому весьма вероятно обнаружение других экземпляров лекций профессоров-биологов, которые могут внести коррективы в полученные результаты.

Список литературы

1. Архив Российской Академии Наук (АРАН). Ф. 446. Оп. 1 а. Д. 119.
2. АРАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 85, 87.
3. АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 118.
4. АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 120.
5. АРАН. Ф. 446. Оп. 4. Д. 17.
6. АРАН. Ф. 450. Оп. 1. Д. 60.
7. АРАН. Ф. 467. Оп. 1. Д. 275.
8. АРАН. Ф. 467. Оп. 2. Д. 3.
9. АРАН. Ф. 582. Оп. 1. Д. 2.
10. Глинникова С.В. С дозволения профессора: в ходу – литографированные лекции // Мир библиографии. 2012. № 1. С. 22–28.

11. Зайцева А.В. Учебные издания студентов Московского университета в фондах ГПИБ России // Библиография. 2012. №2. С. 88–98.
12. Зайцева А.В. Из истории издания учебной литературы в России // Высшее образование в России. 2014. № 8-9. С. 136–141.
13. Иванова Т.Н. Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: науч. практика и образоват. миссия: материалы всерос. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 23–26.
14. Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904. 311 с.
15. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. 365 с.
16. Московский университет в воспоминаниях современников / Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1956. 487 с.
17. Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 734 с.
18. Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. 466 с.
19. Новороссийский университет в воспоминаниях современников: к 135-летию Одесского университета. Одесса: АстроПринт, 1999. 295 с.
20. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 221. Д. 7.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 292. Д. 8.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 21.
23. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 44. К. 14. Ед. хр. 26.
24. ОР РГБ. Ф. 44. К. 14. Ед. хр. 92.
25. ОР РГБ. Ф. 44. К. 15. Ед. хр. 10.
26. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 122. Д. 57.
27. Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ (ОРКиР НБ МГУ). Рукопись № 131, 132, 133.
28. ОРКиР НБ МГУ. Рукопись № 135.
29. ОРКиР. НБ МГУ. Рукопись № 630.

30. Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1961. 336 с.
31. Сеченов И.М. Собрание сочинений. Т.2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1908. 476 с.
32. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

References

1. *Arhiv Rossijskoj Akademii Nauk (ARAN)* [The archive of Russian Academy of Science]. F. 446. Inv. 1 a. D. 119.
2. *ARAN*. F. 446. Inv. 1. D. 85, 87.
3. *ARAN*. F. 446. Inv. 1a. D. 118.
4. *ARAN*. F. 446. Inv. 1a. D. 120.
5. *ARAN*. F. 446. Inv. 4. D. 17.
6. *ARAN*. F. 450. Inv. 1. D. 60.
7. *ARAN*. F. 467. Inv. 1. D. 275.
8. *ARAN*. F. 467. Inv. 2. D. 3.
9. *ARAN*. F. 582. Inv. 1. D. 2.
10. Glinnikova S.V. S dozvoleniia professora: v hodu – litografirovannye lektsii [With the permission of a professor: in motion – lithographic lectures]. *Mir bibliografii*, no 1 (2012): 22–28.
11. Zaiceva A.V. Uchebnye izdaniia studentov Moskovskogo universiteta v fondakh GPIB Rossii [Academic publications of the students of Moscow university at the stock of the State Public Historical Library of Russia]. *Bibliografii*, no 2 (2012): 88–98.
12. Zaiceva A.V. Iz istorii izdaniia uchebnoi literatury v Rossii [From the history of publication of academic books in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no 8-9 (2014): 136–141.
13. Ivanova T.N. Litografirovannye izdaniia lektsionnykh kursov profesorov XIX veka kak istoricheskii istochnik [Lithographic publications of the lectures of the professors of XIX century as a historical source]. *Soobshhestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauch. praktika i obrazovanie. missija: materialy vseros. nauch. konf.* [Community of Historians of Higher School of Russia: Scientific. practice and educate. mission:

- materials vseros. scientific conf.]. Moscow, IVI RAN, 2009, pp. 23–26.
14. *Literaturnyj sbornik k 100-letiju imp. Kazanskogo universiteta. Byloe iz universitetskoj zhizni* [Analects for 100 anniversary of Imperial Kazan university. The past from the university life]. Kazan, 1904. 311 p.
 15. Miliukov P.N. *Očerki po istorii russoj kul'tury. Ch. 2. Cerkov' i shkola (vera, tvorčestvo, obrazovanie)*. [Essays about the history of Russian culture. Part 2. Church and school (religion, creativity, education)]. Saint-Petersburg, 1897. 365 p.
 16. *Moskovskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov* [Moscow university at the memories of contemporaries] / Ed. P.A. Zaionchkovskii, A.N. Sokolov. Moscow: Izd-vo MGU, 1956. 487 p.
 17. *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov: Sbornik* [Moscow university at the memories of contemporaries: collection] / ed. Iu.N. Emelianov. Moscow: Sovremennik, 1989. 734 p.
 18. *Moskovskii universitet. 1755–1930. Iubileinyi sbornik*. [The Moscow university. 1755–1930. Jubilee collection]. Paris, 1930. 466 p.
 19. *Novorossijskij universitet v vospominanijah sovremennikov: k 135-letiju Odesskogo universiteta* [Novorossia university at the memories of contemporaries: for the 135-years anniversary of Odessa university]. Odessa: Astroprint, 1999. 295 p.
 20. *Otdel pismennykh istočnikov Gosudarstvennogo istoričeskogo muzeia (OPI GIM)* [Department of written sources of the State historical Museum]. F. 221. D. 7.
 21. *OPI GIM*. F. 292. D. 8.
 22. *OPI GIM*. F. 404. D. 21.
 23. *Otdel rukopisei Rossijskoi gosudarstvennoi biblioteki (OR RGB)* [Department of manuscripts of Russian state library]. F. 44. K. 14. Ed. hr. 26.
 24. *OR RGB*. F. 44. K. 14. Ed. hr. 92.
 25. *OR RGB*. F. 44. K. 15. Ed. hr. 10.
 26. *Otdel rukopisei Rossijskoi nacionalnoi biblioteki (OR RNB)* [Department of manuscripts of Russian national library]. F. 122. D. 57.
 27. *Otdel redkikh knig i rukopisei nauchnoi biblioteki MGU (ORKiR NB MGU)* [Department of rare books and manuscripts of Scientific library of Moscow state university]. Rukopis № 131, 132, 133.

28. *ORKiR NB MGU*. Rukopis № 135.
29. *ORKiR NB MGU*. Rukopis № 630.
30. Prianishnikov D.N. *Moi vospominaniia* [My memories]. Moscow: Selkhozgiz, 1961. 336 p.
31. Sechenov I.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. V. 2. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1908. 476 p.
32. *Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [University in Russian Empire at XVIII – the first half of XIX century] / ed. A.Iu. Andreev, S.I. Posohov. Moscow: ROSSPEN, 2012. 671 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жарова Екатерина Юрьевна, кандидат биологических наук, соискатель отдела историографии и источниковедения истории науки и техники

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ул. Балтийская, 14, г. Москва, 125315, Российская Федерация
zharova_ekaterina@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zharova Ekaterina Iurievna, PhD in Biology, applicant for a doctorate of the Department of historiography and source study of the history of science and technology

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

14, Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation

SPIN-code: 7739-6094

ORCID: 0000-0002-1349-7496

ResearcherID: R-9419-2019

Scopus Author ID: 57190880856